

Соч.: СС: в 6 т. М., 1957–58; СС: в 8 т. М., 1967; Потерянные романы. Калуга, 1962; Избранная проза. М., 1965; Повести и рассказы. Челябинск, 1971; Повести и рассказы. Л., 1979.

Лит.: Львов С. Константин Паустовский: Критико-биографический очерк. М., 1956; Левицкий Л. Константин Паустовский: Очерк творчества. М., 1963; Ильин В. К. Паустовский. Поэзия странствий: Лит. портрет. М., 1967; Кременцов А. И. К. Паустовский. Жизнь и творчество. М., 1982; Трефилова Г. П. Паустовский, мастер прозы. М., 1983; Макарова Ф. Р. К. Паустовский и север. М., 1994; К. Паустовский: библиографический указатель (100-летие со дня рождения писателя) / сост. И. И. Комаров, М. К. Сазонова. М., 1995.

А. И. Павловский

ПЕЛЕВИН Виктор Олегович [22.9.1962, Москва] — прозаик.

Родился в семье военного. Окончил школу, по собственному признанию, «почти с золотой медалью». В 1989 окончил Московский энергетический ин-т, учился в аспирантуре и Лит. ин-те им. М. Горького на вечернем отделении. Посещал семинар известного в 1970–80-е критика Л. Мобанова. Разочаровавшись в системе преподавания, П. после 1-го курса перестал ходить на занятия. Работал инженером, журналистом. В жизни любит розыгрыши, мистификации, дает интервью, в которых путает даты (так, к примеру, дату своего рождения он избирательно обозначает то 1962, то 1967) и заставляет собеседника принимать участие в создании легенд и мифов о своей жизни и творчестве. Живет в Москве.

Самый известный писатель своего поколения, кумир молодежи 1990-х, П. опубликовал свой первый рассказ в 1986 в ж. «Знание — сила». Рассказ **«Водонапорная башня»** был признан одним из лучших на IX Всесоюзном совещании молодых писателей и опубликован в альм. «Истоки» (1990). С конца 1980-х начинает активно печатать рассказы в ж. и сб., распространять их компьютерные версии. Первый сб. рассказов П. **«Синий фонарь»** (1991) получает в 1992 премию Малый Букер.

Сначала критика прозу П. обозначала как «фантастическую», потом, после выхода в свет повести **«Омон Ра»** (1992), стала относить творчество П. к соц-арту, затем его причислили к постмодернистам, а потом охарактеризовали как «классического русского постмодерниста» (С. Корнев).

Споры о творчестве П. не прекращаются до настоящего времени — они касаются и проблематики его произведений, оригиналь-

ной и допускающей многовариантную трактовку поэтики, нарушающей все горизонты ожидания читателя, и технологии его популярности, в поле которой оказываются представители разных возрастных, социальных и профессиональных групп.

Разброс критических трактовок феномена П. поразительно разнообразен. Так, его творчество оценивали как «систему текстов-клипов», написанных писателем, «нетвердо знающим русский язык» (А. Слаповский), его прозу называли «турбо» реалистической, главным героем которой, по мнению критика, является «живой мертвец», а реальность конструируется «из кусков собственных, порой довольно смелых, чаще довольно вялых придумок» (П. Басинский). Творчество П. — «очень интересный пример практически полного совмещения увеличительного стекла и зеркала, направленных в разные стороны» (Р. Арбитман). «Тексты Пелевина спокойно встраиваются в ряд великих, значительных и просто приметных произведений». (И. Роднянская). «В Пелевине вообще есть что-то варварски-свежее, как в рекламных роликах о жвачках и прокладках, где юноши и девицы с изумлением обнаруживают, какие они вкусные и тоненькие» (П. Басинский). Именно П. Басинский оценил прозу П. в классических рамках лит-ры XIX в.: по его мнению, это смешение традиций Чернышевского и Булгарина, своеобразная «массовая культура», прикрытая некоторым слоем интеллектуального вещества. «Интеллектуальной попсой» называет эту прозу А. Архангельский. В том же духе классифицировал прозу П. и А. Немзер, который представляет ее как коллаж популярных анекдотов с игрой в философичность, присущей инфантильному поколению подростков конца XX в. Роман **«Generation „П“»** П. один из критиков расценивает как «смесь из банальностей, нехитрых ребусов и плагиата...» (М. Золотоносов). Др. критик сожалеет, что в прозе П. отсутствует традиционный для русской лит-ры психологизм и этический пафос (Л. Пирогов).

Многие, писавшие о творчестве П., воспринимают его прозу как чисто постмодернистскую: хаотичную, насыщенную разными эстетическими и массовыми слоями, игрой с цитатами, с читателем, начиненную смысловой невнятицей, эпатажем, этическим плюрализмом, эзотерической абракадаброй, антихристианскими мотивами и т. д.

С. Корнев писал о двойственности писателя. На первый взгляд он — писатель-постмодернист, работает на «границах себя», «когда не ясно, говорят ли это всерьез или это из-

девательство, пародия или даже пародия на пародию». Читатель должен сам сделать выбор, включить свои интеллектуальные способности и эмоциональные силы. Корнев говорил о своеобразном «шизоидном сознании», расщепляющем любые идеи, обломки которых могут спокойно существовать и перетекать из одного состояния в другое. Но постмодернистское сознание, являясь лоскутным и хаотичным, не составляет приметы художественного мира П. Он заменяет это разорванное сознание той «Пустотой», из которой формируется собственный «Другой» (хороший человек), противостоящий пошлой жизни социума. Корнев называет П. «пострефлексивным постмодернистом», объявляя его предшественниками писателя Вен. Ерофеева и музыканта С. Курехина.

Однако мнение критиков мало интересует писателя. В 1997 на виртуальной конференции в Интернете П. сказал: «Мнение критиков... От них сложно ожидать каких-то искренних чувств. Они похожи на египетских плакальщиц, чьи слезы оплачены. И плачут воплосилы как-то».

В 1996 вышли в свет две вещи писателя — **«Бубен верхнего мира»** и **«Бубен нижнего мира»**, в которых рассматривается версия «воскрешения мертвых», которые, соединяясь с живыми, могут осуществлять свои невыполнимые в другой жизни желания. Старая шаманка стирает границу миров, позволяет вырваться человеческому сознанию из обжитого и знакомого, но иллюзорного пространства в иные трансцендентные дали.

В романе **«Жизнь насекомых»** (1997) эта идея легкого перехода из одного мира в другой воплощается через особую трансформацию человека, который незаметно для себя и окружающих превращается в жуков, комаров, светлячков и др. насекомых. Виртуозно описываемый писателем момент перехода из одного состояния в другое, когда читатель не совсем понимает, о ком идет речь в данном фрагменте текста, окрашен беспощадным сатирическим тоном.

Роман **«Чапаев и Пустота»** (1996), вышедший отд. изд., как и все др. произведения П. в издательстве «Вагриус», принес популярность писателю и сделал его имя культовым. Герои советских анекдотов о Чапаеве-командире, Анке-пулеметчице и адъютанте Чапаева — Петьке, иллюзорные, мифические персонажи, приобретают в этом романе новые, но также иллюзорные и мифические облики. Чапаев становится аристократом, мистиком, рассуждающим о философии буддизма, Анка — женщиной-вамп из Серебряного века,

а Петька представляет собой чекиста с замашками аристократа и наркомана. Но эти персонажи, как и мн. др., являются шизоидным и наркотическим бредом тех, которые находятся в психиатрической лечебнице. Из романа исчезает герой с индивидуальной характеристикой и определенным физическим обликом, он постоянно преобразуется и бежит от самого себя. (Символом этого бегущего персонажа является поезд в повести **«Желтая стрела»**, 1993, а его вагоны олицетворяют взрывоопасные тайники сознания.) А бежит герой, как подметил А. Закуренко, по разным идеям, темам, известным философским цитатам (вот один характерный пример: «Что меня всегда поражало... так это звездное небо под ногами и Иммануил Кант внутри нас»), произведениям, песням, анекдотам, сериалам, знакам и меткам массовой культуры, в которую преобразуются все признаки реальности. «Я в себе давно изжил классификатора реальности», — говорил сам автор при разговоре с читателями. Целью бегства персонажа является Внутренняя Монголия, что обозначает «место, откуда приходит помощь». И «место внутри того, кто видит пустоту». По этому поводу сам П. заявлял: «Это очень хороший процесс — потеря координат. Потому что, в конце концов, человек приходит к тому, что единственная система координат — это он сам. Потому что, если он движется в другой системе координат, он сможет встретиться сам с собой».

Критики отмечали в романе буддистскую символику (А. Закуренко), воспитательное начало (К. Степанян), «суверенную внутреннюю территорию», которой нет у постмодернистов (С. Корнев), «попытку выявления особенностей трансформации национального архетипа, осуществляемую посредством шизоанализа и сопутствующего ему „рассеивания“ субъекта». (И. Скоропанова). Обзор критических материалов об этом романе дан в объективной статье Н. И. Шелковой (Русская словесность. 2002. № 3. С. 43–51.)

Роман «Generation „П“» вышел в свет в 1999. Автор посвятил это произведение отсутствующему в русской жизни явлению — «памяти среднего класса». Сюжет связан с авантурными приключениями некоего Вавилена Татарского, окончившего Лит. ин-т и делающего карьеру в рекламном бизнесе. Этот рекламный бизнес «демонизирован» в книге П., он творит собственную виртуальную реальность (политическую, социальную, эстетическую, этическую), которую простой человек и принимает за настоящее бытие. Эта виртуальная реальность создается про-

граммистами, которые являются членами какой-то тайной коррумпированной и криминализованной организации, главой которой на какое-то время становится Вавилен.

Согласно концепции П. вся российская жизнь виртуальна, придумана, воссоздана путем компьютерной анимации подобно тому, как это воплотил Оруэлл в романе «1984» (об этом писал М. Золотоносов). Как отмечал др. критик, «роман П. как бы сканирует историю поколения, которое делало деяньные и делалось ими, переводя его из реального измерения в режим виртуального симулирования» (Д. Голышко-Вольфсон). Среди многочисленных интерпретаций названия этого поколения (и произведения), предпринятых критиками, читателями и поклонниками П., преобладают два — «поколение Пепси» и «поколение Пелевина». Сам П. говорит о том, что в языке «идет переназначение понятий с целью придать им иной психологический и социальный статус».

Придуманное П. название поколения 30-летних, по мнению Д. Голышко-Вольфсона, является перифразом двух известных вещей — романа Д. Коупленда «Generation „X“» и фильма Г. Аракии «DOOM Generation». Тайна этого поколения обнаруживается у П. «в клиповом монтаже постсоветской реальности, в ее рекламно-дезинформационной ауре».

Мнения рецензентов и этого романа оказались диаметрально противоположными. Как уверенно утверждает М. Золотоносов, П. «давно и не без успеха дурит читателя, поскольку писателя Пелевина нет, а то, что есть, является генератором блефа, плагиатором, подборителем чужих идей». Д. Голышко-Вольфсон считает, что «новый роман Пелевина — блистательный жест социальной диагностики в столь же блистательной оболочке медиально романной матрицы. Пелевин с точностью до миллиметра шагает в ногу со временем...». И. Скоропанова, пытаясь объективно оценить произведение, говорит о том, что роман П. «выявляет роль телеимперии в создании симулякров-подделок, отменяющих реальность, и апофатической антропологии, отменяющей человека». Нельзя не отметить, что произведения П. вызваны к жизни общественно-политическими, экономическими и социальными событиями, происходящими в постсоветской России: развенчиванием мифов тоталитарного государства, увлечением массового сознания эзотерическими религиозными течениями, дискуссиями о роли СМИ и рекламы в общественном сознании.

Размышляя о роли и значении творчества П. в совр. общественно-культурном сознании, С. Корнев отмечал: «Западников не устраивает его скептическое отношение к ценностям Запада, к идеалу сытого буржуа. Патриоты-почвенники не приемлют его „мистический индивидуализм“ и иронично отстраненное отношение к социальной реальности. „Творческая интеллигенция“ не может простить ему внезапный успех и популярность. „Постмодернистам“ и циникам не нравится его вполне серьезное, искреннее отношение к трансцендентным ценностям и экзистенциальным вопросам. Приверженцев православия возмущают его эксперименты с экзотическими религиозными доктринами. Защитники отечественного культурного наследия не могут смириться с тем, что он относится к нему свободно и творчески, пытаясь его оживить и встроить в контекст эпохи» (Блюстители дихотомий. 1999. Электронная версия ж. «ИНАЧЕ»). Однако популярность писателя заметна не только в среде интеллектуального «виртуального класса», но и среди молодежи и др. слоев населения России.

Произведения П. переведены на английский, французский, норвежский, немецкий, голландский, японский, корейский и др. яз. В 1998 ж. «New Yorker» назвал его в числе 6 лучших молодых писателей Европы. Книга П. «ДПП (NN)» («Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда») (2003) была выдвинута на премию «Национальный бестселлер» и получила большинство голосов членов жюри. Но на церемонию вручения премии П. не явился (Лит. газ. 2004. № 23. С. 6). В 2004 появляется в печати роман «Священная книга оборотня».

Соч.: СС: в 3 т. М., 1999; Синий фонарь: сб. рассказов. М., 1991; Омон Ра // Знамя. 1992. № 5; Бубен верхнего мира // Октябрь. 1993. № 2; Желтая стрела // Новый мир. 1993. № 7; Жизнь насекомых // Новый мир. 1993. № 4; Чапаев и Пустота // Знамя. 1996. № 4, 5; Жизнь насекомых: романы / предисл. В. Курицына. М., 1998; Чапаев и Пустота: роман. М., 1998; Желтая стрела: повести. М., 1998; «Generation „П“». М., 1999; Икстлан-Петушки [Сравнительный анализ произведений К. Кастанеды «Путешествие в Икстлан» и Вен. Ерофеева «Москва-Петушки»] // Независимая газ. 1993. 20 янв.; Джон Фаулз и трагедия русского либерализма // Там же; Имена олигархов на карте родины // Новая газ. 1998. № 41. 19 окт.

Лит.: Арбитман Р. Предводитель серебристых шариков: альтернативы Виктора Пелевина // Лит. газ. 1993. № 28. 14 июля; Золотоносов М. Ленивые вареники // Московские новости. 1993. № 46; Басинский П. Убогие таланты // Лит. газ. 1993. 21 июля; Ермолин Е. Зона преимабельности // Континент. № 79. (1994. № 1);

Генис А. Виктор Пелевин: границы и метаморфозы // Знамя. 1995. № 12; Быков Д. Вот придет Букер // Октябрь. 1995. № 1; Арбитман Р. В. Пелевин. «Чапаев и Пустота» // Урал. 1996. № 5, 6; Кузнецов С. Самый модный писатель // Огонек. 1996. № 35; Бавильский Д. Сон во сне // Октябрь. 1996. № 12; Курицын В. Великие мифы и скромные деконструкции // Октябрь. 1996. № 8; Курицын В. Текст пулемета // Независимая газ. 1996. 20 июня; Роднянская И. «И к ней безумная любовь...» // Новый мир. 1996. № 9; Иванова Н. Поэт, гражданин и пустота // Знамя. 1997. № 5; Басинский П. Новейшие беллетристы. Виктор Пелевин и Алексей Варламов: не правда ли, крайности сходятся? // Лит. газ. 1997. 4 июня; Генис А. Беседа десятая: поле чудес. Виктор Пелевин // Звезда. 1997. № 12; Корнев С. Столкновение пусто: может ли постмодернизм быть русским и классическим? (Об одной аванюре Виктора Пелевина) // Новое лит. обозрение. 1997. № 28; Закурченко А. Искомая пустота // Лит. обозрение. 1998. № 3; Немзер А. В каком году — рассчитывай // Знамя. 1998. № 5; Золотаносов М. Виктор Пелевин. «Generation „П“» // Новая русская книга. 1999. № 1; Голышко-Вольфсон Д. Виктор Пелевин. «Generation „П“» // Новая русская книга. 1999. № 1; Быков Д. Шестипалый затворник. Как Виктор Пелевин сделал целое поколение // 24 часа. 1999. № 35; Роднянская И. Этот мир придуман не нами // Новый мир. 1999. № 8; Генис А. Машина вычитания: Виктор Пелевин составил новый роман // Общая газ. 1999. № 16; Басинский П. Синдром Пелевина: «Новый писатель» — старый, как мир // Лит. газ. 1999. № 45; Пирогов Л. Синдром Пелевина — 2 // Лит. газ. 1999. № 48; Немзер А. «Generation „П“» как зеркало отечественного инфантилизма // Время МН. 1999. 26 марта; Шкловский Е. ПП, или Победитель Пелевин // Новое лит. обозрение. 2000. № 41; Шелкова Н. В. Пелевин. «Чапаев и Пустота». Обзор критических материалов // Русская словесность. 2002. № 3; Переяслов Н. «Новый Пелевин» // Лит. газ. 2005. № 5. 9–15 февр.; Казначеев С. Старая, старая сказка // Там же.

Т. М. Вахитова

ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор Иванович [22.3.1959, с. Згурица Дрокиевского р-на Молдавской ССР] — поэт, прозаик, драматург, эссеист.

Потомок римских легионеров; на основании фамильного прозвания (в пер. с молдавского — «черноногий») и собственного таланта свое родословие П. возводит к сосланному в Бессарабию поэту А. С. Пушкину. Сын зажиточного винодела. После окончания школы П. переехал в Калугу, где окончил СГТУ № 68 по специальности каменщик и филол. ф-т Калужского педагогического ин-та. После недолгой работы сельским учителем поступил в Лит. ин-т и в 1988 с отличием его окончил. «Груз учености нисколько не мешал ему быть зачинщиком упоительных

оргий, великосветским денди и частым собутыльником самых блестящих умов своего времени» (Моро И.— С. 5).

С 1989 зарабатывал на жизнь игрой в казино и культуртрегерством: редактор изд-ва «Голос» (1991–93), один из составителей 16-томника «Зарубежный детектив» и незавершенной «Всемирной лит. коллекции». Принимал деятельное участие в становлении ряда бульварных изд. — газ. «Ночное randevu», московского ж. «Москвариум» и мальтийского «Островитянин». «Кем только я не побывал! Продажным репортером, игроком, издателем, куплетистом... Уж лучше бы я оставался каменистым!» (Здесь и далее неотмеченные цитаты принадлежат самому П.) С середины 1980-х пишет для эстрады; песни П. исполняют мн. популярные певцы. Автор ряда суперхитов конца XX в.: «**Девочка**», «**Я вышла на Пикадилли**», «**Акапулько**», «**Монолог**», «**Мои финансы поют романсы**» и др. Шлягер «**Как упоительны в России вечера**» был выдвинут П. на конкурс по созданию национального гимна Российской Федерации. Живет в Москве, ведя респектабельный образ жизни высокооплачиваемого поэта-текстовика; член Союза российских писателей.

Совместно с В. Ю. Степанцовым П. 22 дек. 1988 учредил Орден Куртуазных Маньеристов (ОКМ) и возвел себя в сан архикардинала. Создатель куртуазного маньеризма как лит. направления, П. сформулировал его теоретические основы и дал примеры для подражания программными стих. «**Женщина у зеркала**» и «**Гувернантка из Курска**». Участник всех поэтических сб. ОКМ — «**Волшебный яд любви**» (1990), «**Любимый шут принцессы Грезы**» (1992), «**Пленники Афродиты**» (1992, тираж уничтожен), «**Езда в остров Любви**» (1993), «**Красная книга Маркизы**» (1995), «**Триумф непостоянства**» (1997), «**Отстойник вечности**» (1998; проза), «**Клиенты Афродиты**» (1998), «**Услады киборгов**» (1999). К началу 1996 стихи П. были переведены на 16 яз. (Библиография. 1996. № 3. С. 79). Поэзию П. отличает профессиональная гибкость при строгойшем следовании версификационным канонам; совокупность написанного им следует рассматривать как свод исповедального лироэпоса. Обладая гениальным даром поэтического перевоплощения, П. поставил своей целью дописать историю мировой поэзии: он побывал древнеримским стихотворцем Луканом, средневековым японцем Рубоко Шо, рафинированным в своей извращенности поэтом-имморалистом Фрэнсисом Ли Стюартом; ряд поэтических образов, созданных П. для составляе-